

Эмиль Золя

Плечи маркизы

Маркиза спит в широкой кровати под атласным желтым пологом. Только в полдень, услышав мелодичный звон часов, она решается открыть глаза.

В комнате тепло. Ковры, портьеры на дверях и окнах превращают спальню в мягкое гнездышко, не доступное для холода. Воздух насыщен ароматом духов. Здесь царит вечная весна.

Едва проснувшись, маркиза уже чем-то встревожена. Она сбрасывает одеяло, звонит Жюли.

— Вы звонили, мадам?

— Не началась ли оттепель?

О! Великодушная маркиза! Каким взволнованным голосом она задает этот вопрос! Прежде всего она вспомнила об ужасном холоде, о пронзительном северном ветре, — хотя она-то его и не чувствует, но как он должен свирепствовать в лачугах бедняков! И она спрашивает, не смилостивилось ли над ними небо. Ей хочется без угрызений совести наслаждаться теплом, не думая о тех, кто мерзнет и дрожит от холода.

— На улице тает, Жюли?

Горничная подает ей пеньюар, согрев его перед пылающим камином.

— Нет, мадам, не тает; наоборот, мороз все усиливается... Только что нашли в омнибусе замерзшего человека...

Маркиза радуется, как ребенок, — она кричит, хлопая в ладоши:

— О, тем лучше! После завтрака я поеду на каток!

II

Жюли осторожно раздвигает занавеси, чтобы резкий свет не потревожил нежных глаз прелестной маркизы. Веселый голубоватый отблеск снега проникает в спальню. Небо серо, но такого красивого оттенка, что оно напоминает маркизе ее шелковое жемчужно-серое

платье, в котором она была вчера на балу у министра. Это платье отделано белыми кружевами, похожими на снежные узоры по краям крыш, которые так красивы сейчас на фоне серого неба.

Накануне маркиза была обворожительна — ей необычайно шел ее новый бриллиантовый убор. Спать она легла в пять часов утра. Вот поэтому-то она и ощущает небольшую тяжесть в голове. Все же она садится перед зеркалом, и Жюли поднимает вверх золотой поток ее волос. Пеньюар соскальзывает, плечи и спина обнажаются.

Уже целое поколение состарилось, любуясь плечами маркизы. С тех пор как установилась твердая власть и прелестные дамы могут танцевать в Тюильри декольтированными, маркиза показывает свои поразительные плечи в толчее официальных салонов с таким рвением, что они сделались живой эмблемой прелестей Второй империи.

Следуя моде, она вырезала свои платья то сзади, открывая спину чуть не до пояса, то спереди, почти обнажая грудь. И постепенно милая дама, ямочка за ямочкой, представила для обозрения все обольстительные сокровища, которыми наделила ее природа. Не осталось ни одного местечка на ее спине или груди, которое не было бы известно всему Парижу — от церкви Мадлены до Святого Фомы Аквинского. Плечи маркизы, беззастенчиво выставленные напоказ, сделались как бы сладострастным гербом современного ей правления.

III

Нет смысла описывать плечи маркизы. Они не менее известны, чем Новый мост. Вот уже восемнадцать лет они неизменно выставляются напоказ на всех публичных празднествах. Достаточно увидеть только краешек обнаженного плеча — безразлично где — в салоне, в театре или еще где-нибудь, — чтобы безошибочно определить: «Ба, да ведь это маркиза! Узнаю родинку на ее левом плече!»

К тому же эти плечи очень красивы — белые, полные, соблазнительные. Отполированные взглядами всего Парижа, подобно каменным плитам тротуара, обшарканным ногами толпы, они приобрели особый блеск.

Если бы я был ее мужем или любовником, я бы предпочел целовать хрустальную ручку двери, захватанную руками просителей, в приемной какого-нибудь министра, чем прикоснуться губами к этим плечам, обожженным горячим дыханием всего светского Парижа. Когда представишь себе, сколько тысяч желаний трепетало вокруг них, невольно спрашиваешь себя, из какого же материала сотворила их природа, как они все еще не изъедены и не искрошены временем, подобно обнаженным статуям, стоящим на открытом воздухе в садах, под разрушительными порывами ветра.

Маркиза отбросила стыдливость. Она создала из своих плеч некое установление. Она боролась за милое ее сердцу правительство, пуская в ход все очарование своих прославленных плеч. Всегда деятельная, везде и всюду успевая — и в Тюильри, и к министрам, и в посольства, и даже к заурядным миллионерам, — она улыбками завлекала нерешительных, поддерживая трон своею мраморной грудью. Когда трону угрожала опасность, она открывала самые сокровенные и обольстительные свои красоты, и это действовало убедительнее, чем доводы ораторов, и решительнее, чем солдатские штыки. Чтобы сплотить всех при голосовании, она угрожала увеличивать свое декольте до тех пор, пока самые непримиримые оппозиционеры не согласятся поддерживать ее сторону.

Плечи маркизы оставались неизменными и неизменно победоносными. Они несли на себе целый мир, но ни одна морщинка не прорезала их белого мрамора.

IV

Позавтракав и завершив с помощью Жюли свой туалет, маркиза, одетая в очаровательный польский костюм, отправилась кататься на коньках. Катается она восхитительно.

В парке был собачий холод. Мороз щипал носы и губы скользящих по льду дам, ветер словно бросал им в лицо пригоршни мелкого песку. Маркиза смеялась, ей казалось забавным померзнуть немного. Время от времени она подходила к кострам, горевшим на берегу озера, чтобы погреть свои ножки. Снова уносясь на лед, она

как бы реяла в морозном воздухе, похожая на ласточку, едва касающуюся крылом земли.

Ах, какое это наслаждение! И как хорошо, что нет оттепели! Маркиза сможет всю неделю кататься на коньках.

Возвращаясь домой, она увидела под деревом в боковой аллее Елисейских полей нищенку, полумертвую от холода.

— Несчастная! — прошептала маркиза растроганным голосом.

И так как коляска катилась слишком быстро, маркиза, не найдя кошелька, бросила нищенке свой букет — букет белой сирени, который стоил не меньше пяти луидоров.

1874